

НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА

А.П. Скрипник

Негодование и нетерпимость

Скрипник Анатолий Петрович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории. Саровский физико-технический Институт, филиал Национального исследовательского ядерного университета МИФИ. Российская Федерация, 607186, г. Саров, ул. Духова, 6; e-mail: sapsarov@yandex.ru

В статье демонстрируется превращение негодования как одного из базовых моральных чувств в порок нетерпимости, представляющий наибольшую опасность для современного мира. Особая ее острота обусловлена ростом национальных движений и национализма. Для противостояния нетерпимости важно выявить ее ментальные и социальные корни. Нормативная обработка эмоции гнева посредством понятий о справедливости и уважения к человеку преобразует ее в чувство негодования. Перенос негодования с деяния на действующее лицо становится устойчивой тенденцией и порождает ненависть. Она и составляет эмоциональное ядро нетерпимости.

Социальные корни нетерпимости выявляются через критику концепции «рессентимента» Ф. Ницше. Недостаток этой концепции усматривается в том, что она воспроизводит только одну сторону в генезисе нетерпимости – завистливо-враждебное отношение рабов к господам. Социальная база нетерпимости, как показано в статье, более широка и глубока. Она состоит не только в антагонизме аристократии и низов, но и в размежевании «своего» и «чужого», восприятии чужого как враждебного.

Предпринята попытка раскрыть механизмы трансформации негодования в нетерпимость: подмену виновности инаковостью, перенос отрицательного отношения с конкретного лица на его окружение, патологическое сужение сознания и т. п. Борьба с нетерпимостью предполагает культивирование уважения к человеку вообще и многообразию проявлений человечности; локализацию негодования, а именно отделение деяния от субъекта и от его ближних; противодействие распространению измышлений, порочащих чужую культуру и образ жизни; максимум критичности к притязаниям на национальную исключительность. В качестве главного профилактического средства рекомендуется гармонизация модулей морали, т. е. согласование негодования с виной, любовью и достоинством человека.

Ключевые слова: негодование, нетерпимость, гнев, ненависть, зависть, рессентимент, насилие, вина

В отношениях людей друг к другу наихудшими феноменами представляются нам нетерпимость и фрирайдерство. Первая влечет за собой нескончаемую разрушительную вражду, второе является изощренной формой эксплуатации человека. Особую негативность этим феноменам придает то, что оба они, хотя и по-разному, паразитируют на морали. Нетерпимость вырастает из негодования, лишая его социально продуктивного заряда. Фрирайдерство пользуется готовностью людей сотрудничать, полностью отказываясь при этом от взаимности.

Нетерпимость и ее ментальные корни

В данной статье мы намерены оставить фрирайдерство в стороне и сосредоточиться на нетерпимости, ее корнях, формах проявления и способах обоснования. Именно это зло представляет наибольшую опасность для современного мира, несет человечеству больше всего крови, страданий и разрушений. Психологические и социальные корни этого явления столь глубоки и разнообразны, что наивно надеяться на его полное изживание в обозримой перспективе. При общественных сдвигах и политических пертурбациях взрывы нетерпимости почти неотвратимы.

История человечества не знает дефицита в проявлениях подобного рода. Истребление гугенотов католиками во Франции в 1572 г., геноцид армян в Турции в 1915 г., еврейские погромы в Российской империи конца XIX – начала XX в., Холокост, деятельность ИГИЛ в Сирии и Ираке – это лишь малая часть «всемирной истории бесчестия». К малоизвестным страницам этой истории относится массовое истребление «кресовян» (поляков, живших на «Восточных кресах» – на Вольни, Подолье и др. территориях) Украинской повстанческой армией (УПА) и поддерживавшей ее частью населения Западной Украины. «Кресовян, – по словам польского филолога Яна Залеского, – убивали дважды. Первый раз – ударами топоров. Второй раз – замалчиванием. И эта вторая смерть была намного хуже первой». Информация о том, как это было, и оценка происшедшего приводятся в книгах польского писателя С. Сроковского «Ненависть» и «Украинский возлюбленный»¹, а также в фильме В. Смажовского «Вольнь». За несколько месяцев 1943 г. были зарублены, заколоты, застрелены, сожжены заживо от 30 до 80 тыс. поляков, в основном стариков, женщин и детей. Некоторые польские села уничтожались полностью. В качестве ответной меры подразделения Армии Крайовой и Батальонов Хлопских истребляли украинское население и также без разделения правых и виноватых, хотя и в значительно меньших масштабах².

¹ См.: Srokowski S. Nienawiść (opowiadania kresowe). Warszawa, 2006; Srokowski S. Ukraiński kochanek. Kraków, 2008.

² О том, что нетерпимость – это не свойство того или иного национального характера, а транснациональное явление, свидетельствуют факты, что и для польской стороны топор как средство разрешения конфликтов не всегда исключался. Иллюстрация тому – документальный

Нетерпимость в качестве главного своего корня имеет чувство негодования, т.е. отрицательную эмоциональную реакцию на поведение другого человека. Это чувство является бесспорной культурной универсалией. Греки именовали его «νέμεσις», словом, однокоренным с многозначным глаголом «νέμω». По Аристотелю, негодование является принадлежностью честного характера, «ибо должно испытывать печаль и сострадание при виде людей, незаслуженно бедствующих, и негодовать при виде людей [незаслуженно] благоденствующих, так как то, что выпадает незаслуженно, несправедливо; поэтому-то мы приписываем и богам чувство негодования» (Rhet. 1386 b 12–15). Одним этим приписыванием, как известно, дело не обошлось. В греческой мифологии фигурировала богиня Немезида, «гроза для людей земнородных», которая олицетворяла собой негодование и справедливое возмездие. Аристотель трактовал это чувство как золотую середину между завистью (φθόνος) и злорадством (ἐπιχαίρεκακία). «Кто склонен к негодованию – страдает, видя незаслуженно благоденствующего, а у завистливого в этом излишек, и его все [хорошее] заставляет страдать; что же до злорадного, то он настолько лишен способности страдать, что радуется [чужой беде] (EN 1108 3–6). Возможно, сопрягая негодование со страданием, Стагирит не вполне точен. В это чувство примешано не столько страдание, сколько активное неприятие, негативная оценка. Дело тут, по-видимому, не в избытке или недостатке страдания. Один и тот же злорадный субъект может быть крайне завистливым в зависимости от обстоятельств. Негодование – это отрицательное, но скорее активное, чем пассивное чувство. Оно настраивает на действия по устранению наблюдаемой несправедливости. В ячейке нравственных эмоций негодование расположено не ровно посередине между завистью и злорадством, а ближе к зависти. Но в самой непосредственной близости оно находится от гнева и ненависти.

Негодование – одно из базовых нравственных чувств, но оно адекватно только в том случае, если сопряжено с другими базовыми чувствами и ограничено ими. Собственно говоря, в таком сопряжении и ограничении как раз и заключается та обработка, которой подвергает мораль аффективную сферу человека. Понять сущность нравственности можно тогда, когда мы разберемся, что происходит в этом преобразовании. Многие зарубежные исследователи предпочитают вести анализ, отталкиваясь от эмоции гнева (например, А. Джигбард, П. Розин, Дж. Хейдт и др.). В этой стратегии есть свои резоны, поскольку гнев достаточно элементарен, т.е. близок к базовым органическим влечениям и вызывается широким спектром предметов. Он сродни ненависти, отличаясь от нее только меньшей глубиной и устойчивостью. Но гнев слишком широк по своему содержанию, а границы, отделяющие его

фильм М. Лозиньского «Свидетели» (1986) и художественный фильм Д. Астрахана «Из ада в ад» (1997) о еврейском погроме 1946 г. в польском городе Кельце, книги Я.Т. Гросса «Соседи. История уничтожения еврейского местечка» (2002) о массовом убийстве в польском Едвабне в 1941 г. и «Fear: Anti-Semitism in Poland after Auschwitz» (2006) о событиях в Кельце. Кроме того, есть масса исторических свидетельств того, что «бессмысленным и беспощадным» бывает не только русский бунт.

от родственных понятий, слишком размыты³. Негодование более определено в моральном смысле.

Не вызывает сомнения то, что негодование – это гнев, вызванный интенциональным поведением другого человека, а не обстоятельствами, независимыми от воли людей. В своей программной статье 1962 г. «Свобода и негодование» П.Ф. Стросон относит негодование, вместе с противоположной ему благодарностью, к числу важнейших межличностных реактивных установок и трактует его как реакцию на проявление злой воли или безразличия других по отношению к субъекту⁴. В англоязычной литературе бытует традиция ограничивать негодование (resentment) реакцией субъекта на вред, причиняемый лично ему. Для характеристики отношения к вреду, причиняемому третьим лицам, используется термин «возмущение» (indignation). Между разными языками нет точного соответствия в эмоциональных терминах. В русском языке слово «негодование» может использоваться и в том, и в другом значении.

Самым важным в трансформации гнева в негодование выступает то, что негативное отношение к другому сцепляется с негативным отношением к самому себе. Субъект обнаруживает, что и он бывает объектом гнева, и реагирует на это специфическим чувством. У него формируется то, что П.Ф. Стросон назвал «авто-реактивной установкой», которая включает в себя чувства вины, стыда и даже сознание личной ответственности⁵. Дж. Мерфи уверен, что основой негодования, которое располагается в диапазоне от праведного гнева до праведной ненависти, служит уважение к себе и оно относится только к ответственному неправильному действию⁶. Я бы добавил, что речь идет об уважении к человеку вообще – и в моем лице, и в лице другого. Отсюда следует, что негодование является продуктом нормативной регуляции поведения.

Негодование, переместившееся с деяния на того, кто его совершил, становится ненавистью. Тот, кто ненавидит, не просто осуждает объект своих чувств. У него есть желание и готовность причинить ему ответный вред. Выделяется несколько видов ненависти, различающихся по их моральному статусу. Самой деструктивной из них выступает злобная и завистливая ненависть, то, что Ницше назвал рессентиментом⁷. Именно она составляет эмоциональное ядро нетерпимости, в котором можно распознать ее социальные корни.

³ Дж. Рассел и Б. Фер подчеркивают, что восприятие предосудительности не является необходимым свойством гнева (см.: Russell J. A., Fehr B. Fuzzy Concepts in a Fuzzy Hierarchy: Varieties of Anger // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994, Vol. 67, No. 2. P. 200).

⁴ См.: Strawson P.F. *Freedom and Resentment and Other Essays*. London and New York: Routledge, 2008. P. 15.

⁵ См.: *ibid.* P. 16.

⁶ См.: J. G., J. *Forgiveness and Mercy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 20.

⁷ См.: *ibid.* P. 78. – Дж. Мерфи полагает, что между злобной и моральной ненавистью располагается еще и «ретрибутивная ненависть», которая имеет черты и той, и другой. Такое чувство испытывает узник концлагеря к его коменданту или умирающий от рака американский солдат к тем, кто обрек его на облечение во время атомного испытания (см.: *ibid.* P. 89–90).

Негодование и рессентимент: социальные корни нетерпимости

В понятии рессентимента⁸ Ницше объединил негодование, зависть и чувство собственного бессилия. Правда, некоторые авторы, например, Р. Соломон, безоговорочно отождествляют рессентимент с негодованием⁹. Христианскую мораль Ницше истолковал как результат невооруженного восстания и победы рабов над господами. М. Шелер разъяснил, что здесь Ницше ошибался¹⁰.

Негодование в своем исконном смысле – это эмоциональное восприятие морального зла в другом человеке. Подобно тому, как боль свидетельствует о деструктивных процессах, протекающих в теле человека или в его душе, а тошнота показывает на то, что в организм попало нечто токсичное, негодование сигнализирует о том, что человек встретился со злом вне себя. Таким образом, ключевой ментальной способностью, лежащей в основе негодования, выступает древнейшая способность различать добро и зло.

Ошибка Ницше заключалась не в том, что он приписал рессентимент христианской морали. Она возникла гораздо раньше и глубже – в толковании происхождения понятий о добре и зле. Ницше заметил связь данных понятий с отношениями господства и подчинения и отделил «плохое» от «злого». Но он слишком увлекся этим открытием и потому впал в односторонность. Он проигнорировал исходную общность этих негативных понятий: то обстоятельство, что зло и плохое – это не только «простое», «пошлое», «плебейское», «низменное» в противоположность «душевно знатному», «благородному», «душевно породистому» и т. п.¹¹, но и «чужое», «враждебное» в противоположность «своему» и «дружественному». На наш взгляд, второе противопоставление и древнее, и фундаментальнее первого. Человеческий этос начинался с отождествления «чужого» и «врага» и только много позднее научился находить «своего среди чужих и чужого среди своих». Чтобы придать убедительность собственному одностороннему выводу, Ницше даже допускает небольшую передержку. Немецкое слово «Gut» («добро») он предположительно связывает с названием народа готов, добавляя в скобках «поначалу дворянства»¹². В исходном предположении нет ничего неестественного. Как мы знаем, многие этносы именовали себя людьми, предоставляя соседям более

⁸ Вопреки сложившейся с 1999 г. традиции я считаю целесообразным прибегнуть именно к такой транскрипции термина. Фонетическое творчество А.Н. Малинкина, сделавшего в целом хороший перевод книги М. Шелера, не представляется убедительным. Удаление одной буквы «с» из термина «рессентимент», которая стоит на своем месте и у Ницше, и у Шелера, да и во всей западной научной литературе, является неоправданной вольностью. Можно понять концептуальные мотивы, вызвавшие такую новацию, но ведь в данном случае речь идет о транскрибировании, а не о переводе термина. Русская традиция транскрибирования сохраняет удвоенные согласные.

⁹ См.: *Solomon R.C. Living with Nietzsche: What the Great “Immoralist” Has to Teach Us.* N.Y., 2003. P. 89 ff.

¹⁰ См.: *Шелер М. Рессентимент в структуре моралей* / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. СПб., 1999. С. 109.

¹¹ См.: *Ницше Ф. К генеалогии морали* / Пер. с нем. К.А. Свасьяна // *Ницше Ф. Соч.* в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 418.

¹² См.: там же. С. 420.

уничижительные именованья. Но отождествление готов с добрыми могло произойти заведомо раньше, чем возникло дворянство.

Если мы учтем эту генеалогическую односторонность, вся конструкция ницшевского ressentimentа предстанет в ином свете. Ницше справедливо рассматривает понятия добра и зла, хорошего и плохого как арену столкновения разных социальных и психологических позиций, но он упрощает и тем самым искажает реальное положение дел, видя только две противостоящие силы: светскую аристократию (рыцарство) и жречество (иудейских и христианских священников). В итоговом изложении эта картина сводится к противоборству Иудеи и Рима с окончательной победой иудейского ressentimentа¹³. Вся эта концепция направлена на защиту аристократического содержания морали в противовес демократическому ее содержанию. Это становится особенно явным в той интерпретации ressentimentа, которую дал М. Шелер. Он прямо атрибутирует эту установку современным общественно-политическим движениям, даже гуманистическим по своим целям. Именно аристократическая ангажированность концепции ressentimentа оказалась причиной того, что эта концепция осталась на периферии этической мысли. Приверженность этой концепции скорее усиливает нетерпимость, чем разоблачает ее. Она игнорирует то обстоятельство, что деструктивную ненависть часто вынашивает обладающее силой большинство по отношению к цепляющимся за свои права меньшинствам.

Попытка связать ressentiment с этосом священников не выдерживает критики. «Священники, как известно, – *злейшие враги*. – Отчего же? Оттого, что они суть бессильнейшие. Ненависть вырастает у них от бессилия до чудовищных и жутких размеров, до самых духовных и ядовитых форм. Величайшими ненавистниками в мировой истории всегда были священники, также и остроумнейшими ненавистниками – в сравнении с духом священнической мести всякий иной дух едва ли заслуживает внимания»¹⁴. Отчего ненависть вырастает до жутких и чудовищных размеров – это тяжелый вопрос, на который не дашь однозначного ответа. Она может сопрягаться с бессилием, но не порождается им и не может находиться в прямой зависимости от него. Ненависть порождается борьбой. В наибольшей степени ее вызывает тот, кто стоит на пути к достижению какого-либо жизненного блага. Вовсе не среди священников следует искать «величайших ненавистников», а среди тех, кто погружен в конкурентную борьбу. Возможно, ненависть усиливается поражениями в этой борьбе и завистью, которую вызывает победитель. Но одного этого мало. Силу и размах всплескам враждебности придает своеобразная извращенная духовность, некая объединяющая цель, которая оправдывает самые жестокие и омерзительные средства. Такая цель, с одной стороны, воспаляет, а с другой, дает видимость морального оправдания. Как правило, она рождается не в лоне церкви. Взрывы ненависти на Западной Украине и в Кельце вызывались вовсе не священнослужителями греко-католической

¹³ См.: Ницше Ф. К генеалогии морали / Пер. с нем. К.А. Свасьяна // Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 435.

¹⁴ Там же. С. 422.

или римско-католической церкви. Самое большее, в чем можно упрекнуть некоторых из них, – то, что они не нашли в себе силы и твердости, чтобы противостоять рессентименту, идущему из толщи народных масс и подстегиваемому ее стихийными вожаками. Духовенство проникается деструктивными настроениями не само по себе, а тогда, когда идет в кильватере националистических сил, как, например, в Польше середины XX в., где возник феномен «катоэндеции» – союза Национально-демократической партии с католической церковью¹⁵. Национализм, а не религия является самой питательной его почвой. Квинтэссенцией нетерпимости можно считать «шахматную» аналогию яркого националиста Д. Донцова. Две национальности, по его пророчеству, не могут ужиться на одном клочке земли, как две фигуры на одной шахматной клетке: слабейшая уступит место сильнейшей. В плане практической реализации этой идеи бандеровцы на Волыни выдвинули лозунг: «Вырезать поляков до седьмого колена, включая тех, кто уже не говорит по-польски».

Рессентимент – это не локально-историческое, социально привязанное явление, а универсальный феномен, обнаруживающийся в различные исторические эпохи и практически во всех социальных слоях. «Рессентимент оказывается универсальной характеристикой морали; более того, рессентимент оказывается универсальной характеристикой культуры и сознания как самосознания. И мораль, и сознание вообще, и культура вообще в той мере, в какой они опосредствованы рефлексией, а иначе как опосредствованными рефлексией они не могут существовать в известных нам формах цивилизации, являются проявлением рессентимента, а иными словами, рабства»¹⁶. Конечно, одним сервиллизмом корни рессентимента не исчерпываются, хотя он и является чрезвычайно плодотворной почвой для сопряжения бессилия и злобы. Это сопряжение может наблюдаться везде, где учиняется насилие, а в социальном плане – там, где демократизм противостоит аристократизму.

Неслучайно во втором рассмотрении Ницше существенно изменил понятие рессентимента, на что обращает внимание А.В. Прокофьев. Это уже не приостановленная мстительность, а любой реактивный аффект. Рессентиментная личность предстает как «чрезвычайно, даже избыточно деятельная»¹⁷. Именно такое, активное, проявление злобы наиболее фатально для человечества. В его основе может лежать не только бунтарское неприятие существующего положения вещей, но и консервативное стремление пресечь любые посягательства на него.

¹⁵ См.: Gross J.T. Fear: Anti-Semitism in Poland after Auschwitz. N.Y., 2006. P. 134–142.

¹⁶ Апресян Р.Г. Рессентимент и историческая динамика морали // Этич. мысль / Ethical Thought. Вып. 2. М., 2001. С. 34–35.

¹⁷ Прокофьев А.В. Справедливость и рессентимент (заметки на полях «К генеалогии морали» Ф. Ницше // Этич. мысль / Ethical Thought. Вып. 13. М., 2013. С. 186.

Пути и способы вырождения негодования в нетерпимость

Трансформация негодования в нетерпимость зиждется на логической ошибке. Это ошибка принятия части за целое. Она имеет структурное сходство с поэтическим тропом, называемым синекдохой. В этом тропе какая-то часть, орган или принадлежность объекта используется как обозначение всего объекта в целом. Подобное происходит и в формировании нетерпимости. Негодование вызывает уже не конкретный поступок человека, а весь его нравственный склад. Формируется особая схема восприятия объекта, в которой акцентируются те его свойства, которые вызвали резкую негативную оценку, а остальные качества отодвигаются далеко на задний план или игнорируются вовсе. Более того, сложившаяся схема может быть перенесена на другие объекты, связанные с исходным по смежности или по сходству. Эта тенденция отчетливо просматривается в знаменитой сентенции Волка из крыловской басни: «Вы сами, ваши псы и ваши пастухи, вы все мне зла хотите, и если можете, то мне всегда вредите». Становясь сознательным софизмом, эта логическая ошибка выступает главным способом обоснования нетерпимости.

Когда объект негодования расширяется подобным образом, тогда чрезвычайно затрудняется процедура прощения, которая является неотъемлемым элементом нравственных отношений. Прощение предполагает отделение причиненной обиды от личности обидчика. Готовность к нему есть та внутренняя сила, которая не позволяет негодованию вырождаться в нетерпимость.

Существует совершенно ясный и несомненный критерий, позволяющий определить, что негодование стало нетерпимостью. Таковым выступает отрыв гнева от осознания вины. Если негативное отношение распространяется на невинных, то мы безошибочно можем констатировать, что праведный гнев сменился безрассудной ненавистью. Степень несправедливости воюющей стороны определяется числом убитых ею безоружных людей: стариков, женщин и детей.

Негодование превращается в нетерпимость, когда реакция на *вину* подменяется реакцией на *инаковость*, когда чужое вызывает отторжение просто потому, что оно чужое. Причиной такой подмены чаще всего выступает когнитивное убожество, неспособность оценить преимущества поведенческого разнообразия. Простейшие вещи, типа способов приготовления пищи или ношения одежды, вызывают злобную насмешку, за которой может последовать жестокая расправа. Поскольку негодование без вины выглядит неоправданным, вина «подверстывается» задним числом или вызывается намеренной провокацией.

Есть внутреннее родство между феноменологией нетерпимости и параноидной психопатологией. Оно заключается в особой чувствительности к определенным обстоятельствам и темам, неспособности отстраниться от них и занять взвешенную критическую позицию. Предрасположенность к нетерпимости имеется у лиц специфического нравственно-психологического склада, в первую очередь у тех, кто был серьезно травмирован какими-то жизненными обстоятельствами. Трудно ждать терпимости к преступникам от людей, чьи дети

подверглись сексуальному насилию, да и от самих жертв. Не приходится надеяться на нее и со стороны тех, кто подвергся жестоким преследованиям на этнической или религиозной почве. Подобные душевные травмы ведут к «заикливанию» на определенных аффективно-когнитивных комплексах. Суть этого заикливания в постоянном возвращении сознания к травмирующему переживанию и селекции тех объектов, отношений и свойств, которые могут иметь связь с причинами, вызвавшими это переживание.

Нетерпимость является своего рода нравственной паранойей – гипертрофированным развитием негодования, фиксацией его на определенном объекте и подчинением ему всех остальных модулей морали¹⁸. Выбор объекта может быть обусловлен отчасти случайными жизненными обстоятельствами, отчасти духом времени. Более загадочным выглядит та легкость, с которой подобная злобная и завистливая ненависть распространяется в обществе, захватывая порою значительные массы людей.

Параноя не принадлежит к заразным болезням. Нетерпимость же в отличие от нее легко и быстро переходит от одних людей к другим. Столкнувшись с расовой или этнической ненавистью, совершенно нормальный человек может сам стать ненавистником. Заразительность нетерпимости имеет ту же природу, что и жажда мести. В ее корне находится стремление к реципрокности и к установлению равновесия в силе, богатстве, статусах и качестве жизни.

К нетерпимости ведет естественная для человека тенденция полагать источник зла не в самом себе, а вовне – в другом человеке или группе людей. Этой тенденцией объясняется как первобытная вера в то, что причиной любого социального или личного бедствия является злая воля колдуна, так и современное убеждение, что все внутренние неполадки вызваны заговором тайных внешних сил. Эта тенденция воплощается не столько в сочинительстве конспирологических теорий, сколько в склонности определенных типов людей принимать их на веру.

Р.С. Леви в своем предисловии к английскому переводу книги Б. Сегела «Ложь и клевета. История Протоколов сионских мудрецов» анализирует причины широкой популярности конспирологических идей. Одной из них выступает, по его мнению, подкупающая простота объяснения сложных, запутанных событий прошлого и настоящего¹⁹. К этому можно добавить, что сама тяга к простоте обусловлена не только косностью и леностью ума, но и властью уходящих глубоко в прошлое архетипов демонизации источников зла. Она дает видимость простого и радикального решения проблемы – устранения демонического начала в лице его носителей. Но это решение порочно, поскольку реальные причины зла остаются замаскированными и продолжают действовать.

¹⁸ Под модулями морали имеются в виду устойчивые, относительно самостоятельные аффективно-когнитивные комплексы, которые различаются характером и направленностью. Главными из них являются негодование, вина, любовь и сознание человеческого достоинства.

¹⁹ См.: *Segel B.W. A Lie and a Libel. The History of the Protocols of the Elders of Zion / Transl. from German R.S. Levy. Linkoln-London, 1995. P. 5–6.*

Противостояние нетерпимости

Насколько в наших силах противостоять нетерпимости? Исключить негодование из палитры эмоций мы не в состоянии. Как констатирует А. Джиббард, гнев и вина образуют блок, на котором покоится мораль в узком смысле²⁰, а без этой основы не может быть и морали в целом. Даже если она и относится к низшим этажам морали, то это такие этажи, при разрушении которых рухнет и все здание. В общем плане борьба с нетерпимостью должна состоять в четкой локализации негодования и его гармоничной увязке с другими нравственными модулями, в первую очередь с виной, но кроме того, с теми, которые принадлежат к высшим этажам нравственности, к морали в широком понимании, а именно с уважением и любовью.

Негодование – это очень сильное средство, которое, если употреблять его в чрезмерных дозах, может принести больше вреда, чем пользы. Развенчивая рессентимент, Ницше явно преувеличил деструктивный потенциал подавления и вытеснения. Подавленная, затаенная обида, конечно, может исподволь подпитывать враждебный настрой. Но вместе с тем это одно из возможных средств погашения конфликта. Несдерживаемое влечение к насилию, пусть даже и к ответному, влечет за собой его эскалацию, поскольку оно имеет тенденцию втягивать в свою орбиту все большее число лиц и материальных средств. Отвечающий злом на зло не стремится к соблюдению меры. Весьма показателен в этом плане начальный эпизод из фильма «Крестный отец». Оскорбленный гражданин обращается к Дону Карлеоне с просьбой наказать негодяев, избивших и изуродовавших его дочь. Он молит, чтобы насильники были убиты. Его негодование естественно и понятно, хотя мафиози резонно замечает ему: «Твоя дочь жива». Жаждающие возмездия обычно не думают о цепной реакции, которую могут вызвать их действия. Подавление, вытеснение или переадресация – это механизмы, выработанные культурой специально для предотвращения цепной реакции насилия. В своем функционировании они, разумеется, не безупречны. Но их издержки менее пагубны, чем их отсутствие. Их преимущество – в учете большего спектра возможных последствий и интересов большего круга лиц.

В финале легенды о Великом Инквизиторе, которую сочинил Иван Карамзов, Христос целует своего противника, демонстрируя идеальный способ преодоления нетерпимости. Нравы современного человечества не поднялись до такой высоты, чтобы воплотить в жизнь евангельскую заповедь «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 43–44). Разделительная линия между друзьями и врагами остается еще достаточно резкой. Мы не можем сделать всех врагов друзьями, но в наших силах быть справедливыми по отношению к ним: воздерживаться от лжи и клеветы в их адрес, отличать виноватых от невинных, соизмерять воздание с деянием, не пренебрегать возможностями извинения, прощения и милосердия.

²⁰ См.: Gibbard A. *Wise Choices, Apt Feeling: A Theory of Normative Judgment*. N.Y., 2002. P. 51.

Поскольку излюбленным оружием нетерпимости служат провокационные сплетни и мифы, недостойным является снисходительное отношение к их распространителям. Подобные слухи нередко играли роль «пускового механизма» для взрыва массовой агрессии. Кровавым событиям в Кельце, например, предшествовал заведомо ложный донос о «еврее в зеленой шляпе», который якобы заманил 10-летнего польского мальчика в подвал дома на улице Планты 7/9, где располагался еврейский комитет воеводства. Показательно, что сообщение о том, что мальчик цел и невредим, а в указанном доме вообще нет подвала, никого не заинтересовало. Для заикленного нетерпимостью сознания вообще характерно отторжение противоречащей ему информации. Оно способно выстроить целую сеть ad-hoc аргументов, подкрепляющих исходную идею.

Чтобы не перерасти в нетерпимость, негодование, как отмечалось, должно быть уравновешено другими нравственными чувствами. Наиболее действенным из них представляется *уважение*. В качестве терапевтического средства от злобной и завистливой ненависти можно рекомендовать своего рода модифицированный «принцип Полианны». Согласно классическому принципу во всяком несчастье нужно уметь найти положительную сторону. Модифицированный принцип предписывает находить в том, что вызывает негодование, его порождающую причину и таким образом отделять злодеяние от его субъекта, а субъекта – от сопряженных с ним лиц. Негодование, как правило, вызывается несправедливостью – ущемлением интересов, наших собственных или близких нам людей. При столкновении с несправедливостью целесообразно исходить из своеобразной «презумпции невиновности». Наличие злого умысла должно быть доказано тщательным анализом всех обстоятельств дела, движущих мотивов и личности обидчика, а не предполагаться a priori. Сущность нравственности (а возможно, и нормативной, и нормативной регуляции вообще) заключается в том, что она наделяет всех причастных ей лиц определенной степенью ценности (достоинства), примерно одинаковой для каждого. Готовность следовать общим правилам выступает основанием этой ценности, а мера, в какой реализуется данная готовность, служит критерием одобрения или осуждения субъекта. «Презумпция невиновности» атрибутирует такую готовность всякому человеку с нормальными ментальными способностями. Это и есть та доля уважения, которая уделяется всем людям самим фактом существования нравственности (нормативного порядка). Без нее не может протекать полноценная моральная коммуникация, которая в своей сущностной основе является диалогом. Различия в степени уважения определяются последующими позициями и действиями субъектов. Поступки, вызывающие негодование, снижают уважение к тем, кто их совершает. Умышленно нарушая норму, субъект как бы временно устраняется от участия в нравственной жизни и теряет привилегии, которые обеспечивает такое участие. Важно, чтобы это устранение было временным, т.е. не исключало возвращения в нравственную жизнь. Иными словами, уважение к нарушителю не должно падать ниже того минимального уровня, который гарантируется самим существованием морали и одинаков для всех.

Модифицированный «принцип Полианны» рекомендует принимать во внимание эту минимальную степень человеческого достоинства во всех случаях,

когда у нас есть повод для негодования. Для его применения необходима развитая нравственная рефлексия, средством оттачивания которой многие авторы, в частности А. Джиббард, считают нормативную дискуссию или коллективный дискурс.

Но этот принцип, как и любой другой, не имеет абсолютно универсальной применимости. В свете высказанного ранее исключения из него очевидно. Не заслуживает никакого уважения и не подлежит извинению, прощению и акту милосердия тот, кто безвозвратно устраняет себя из нравственной жизни, т.е. сознательно ставит себя в положение сверхчеловека или недочеловека. Нетерпимость в отношении к таким субъектам является не только дозволенной, но и нравственно обязательной, ибо объектом их посягательств выступает сама нравственность и человечность как таковая. Таким образом, толерантность имеет свои нравственные пределы. Она не тождественна безразличию, а если превращается в него, то это как раз и означает разрушение нравственных устоев. Нельзя быть терпимым к проявлениям самой нетерпимости: к разжиганию национальной или религиозной розни, к геноциду или иным формам этнических чисток, к истязанию невинных или издевательствам над ними и т. п.

Исторические попытки окончательного решения национального или классового вопроса – уничтожения какого-то этноса или класса, – какими высокопарными лозунгами они бы ни прикрывались и сколь массовый характер ни принимали, дают нам пример того, как нетерпимость, будучи внутренне некогерентной, разрушает самое себя. Внутренняя несостоятельность нетерпимости состоит в том, что она не учитывает относительность и текучесть понятия врага. Нетрудно вообразить себе, что, отождествив врага, например, с эксплуататорским классом, можно навалиться всем остальным миром и этот класс уничтожить. Однако ненависть к врагу, покончив с этим объектом, неизбежно будет искать себе новый и обязательно найдет его внутри себя, среди бывших друзей, которые в чем-то не согласны с остальными. Массовые репрессии 30-х г. XX в. в СССР, как сейчас ясно, не были следствием кровожадного характера «вождя народов». Это было закономерное продолжение на новом материале и новыми методами практики «разрушения старого мира». Можно вообразить поголовное истребление, например, кресовян на Волыни либо евреев в Польше или Германии. Но что будет потом с теми, кто занимался таким истреблением, на кого им выплеснуть свой гнев и где приложить свои способности?

В своих рассуждениях я намеренно не касался острейших проблем последнего времени. Нужна определенная историческая дистанция, чтобы объективно оценить, кто больше и кто меньше виноват в международных конфликтах. Однако нельзя уйти от общего вопроса – становится ли человечество мудрее и нравственнее в решении создаваемых им самим проблем? Вырос ли уровень терпимости по отношению ко всяческому инакомыслию? Однозначного ответа тут, пожалуй, не найти. С одной стороны, налицо признаки прогресса. Уже давно людей за их убеждения не сжигают на кострах под одобрительные крики толпы. До 133 выросло число стран, отказавшихся от смертной казни своих граждан законодательно или от применения ее на практике. Человечество,

кроме небольших оазисов, отказалось от проектов глобального насильственного переустройства мира. Многие общества стали значительно терпимее к отклонениям в отношениях между полами, если они не носят деструктивного характера. Пропаганда экстремизма, расовой и национальной ненависти на большей части земного шара находится под запретом.

Но, с другой стороны, целый ряд процессов указывает на то, что до «ксенофилии», заповеданной благою вестью Христа, еще очень далеко. Периодические всплески национализма в различных регионах мира, доходящие до вооруженного противостояния и так называемых гибридных войн; волна терроризма, нахлынувшая на сравнительно благополучные страны, свидетельствуют о том, что остается не так уж мало ниш, где нетерпимость продолжает править бал. Во многих международных конфликтах участники, чтобы не уронить лица, предпочитают наращивать напряженность, а не идти на компромиссы.

Сопоставление весомости обеих сторон все же внушает осторожный оптимизм. Никогда прежде человечество не проявляло такого желания и готовности узнать и признать правду о самом себе. И это путь к обузданию нетерпимости.

Список литературы

Апресян Р.Г. Ресентимент и историческая динамика морали // Этич. мысль / Ethical Thought. Вып. 2. М., 2001. С. 27–40.

Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53–294.

Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой // Аристотель. Античные риторика / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15–164.

Ницше Ф. К генеалогии морали / Пер. с нем. К.А. Свасьяна // Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 407–524.

Прокофьев А.В. Справедливость и ресентимент (заметки на полях «К генеалогии морали» Ф. Ницше // Этич. мысль / Ethical Thought. Вып. 13. М., 2013. С. 175–198.

Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / Пер. с нем. А.Н. Малинкина. СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. 231 с.

Gibbard A. Wise Choices, Apt Feeling: A Theory of Normative Judgment. New York: Oxford University Press, 2002. 346 p.

Gross J.T. Fear: Anti-Semitism in Poland after Auschwitz. New York: Random House, 2006. 303 p.

Murphy J.G., Hampton J. Forgiveness and Mercy. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 197 p.

Russell J. A., Fehr B. Fuzzy Concepts in a Fuzzy Hierarchy: Varieties of Anger // Journal of Personality and Social Psychology, 1994, Vol. 67, No. 2. P. 186–205.

Segel B.W. A Lie and a Libel. The History of the Protocols of the Elders of Zion (transl. and ed. R.S. Levy). Lincoln-London: University of Nebraska Press, 1995. 148 p.

Solomon R.C. Living with Nietzsche: What the Great “Immoralist” Has to Teach Us. New York: Oxford University Press, 2003. 243 p.

Strawson P.F. Freedom and Resentment and Other Essays. London and New York: Routledge, 2008. 235 p.

Resentment and Intolerance

Anatoliy P. Skripnik

Sarov State Physics and Technical Institute (National Nuclear Research University, MEPhI). 6 Duchov Str., Sarov, 607186, Russian Federation; e-mail: sapsarov@yandex.ru

The article demonstrates the transformation of resentment as one of the basic moral feelings in the vice of intolerance, which is the greatest danger to the modern world. Its particular acuteness is due to the growth of national movements and nationalism. To counter intolerance, it is important to identify its mental and social roots. The normative treatment of the emotion of anger through the concepts of justice and respect for man transforms it into a sense of resentment. The transfer of resentment from the act on the actor becomes stable and breeds hatred. The hatred is the emotional core of intolerance.

The social roots of intolerance are revealed through criticism of the concept of “ressentiment” of Nietzsche. The lack of this concept is seen in the fact that it reproduces only one side in the genesis of intolerance, namely envious-hostile attitude of slaves to the masters. The social base of intolerance, as shown in the article, is more extensive and deeper. It consists not only in the antagonism of the aristocracy and the lower classes, but also in the intergroup enmity, in the perception of another as hostile.

The author tries to reveal the mechanisms of transformation of resentment into intolerance: substitution of guilt by otherness, transfer of negative attitude from a particular person to his environment, pathological narrowing of consciousness, etc. The fight against intolerance involves cultivating the respect for the human person in general and for the variety of manifestations of humanity; localization of resentment, namely, the separation of the act from the agent and from his neighbors; countering the spread of fabrications that discredit another’s culture and way of life; maximum criticality to the claims of national exclusivity. As the main preventive measure, it is recommended to harmonize the modules of morality, i.e., the coordination of indignation with guilt, love and dignity of a person.

Keywords: resentment, intolerance, anger, hatred, resentment, violence, guilt.

References

Apressyan, R.G. “Resentiment i istoricheskaya dinamika morali”, *Eticheskaya mysl' / Ethical Thought*, 2001. Vol. 2, pp. 27–40. (In Russian)

Aristotle. “Nikomakhova etika” [Nicomachean Ethics], trans. by N. Braginskaya, in: Aristotle, *Sobranie sochinenii*, [Collected Works, 4 vols.], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1984, pp. 53–294. (In Russian)

Aristotle. *Ritorika* [Rhetorics], trans. by N. Platonova, in: *Antichnye ritoriki* [Ancient Rhetorics], ed. by A. Taho-Godi. Moscow: Moscow University Publ. House, 1978, pp. 15–164. (In Russian)

Gibbard, A. *Wise Choices, Apt Feeling: A Theory of Normative Judgment*. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 346 pp.

Gross, J.T. *Fear: Anti-Semitism in Poland after Auschwitz*. N. Y.: Random House, 2006. 303 pp.

Murphy, J.G., Hampton, J. *Forgiveness and Mercy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 197 pp.

Nietzsche, F. “K genealogii morali” [Zur Genealogie der Moral], trans. by K. Swassjan, in Nietzsche, F. *Sochinenija* [Works, 2 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1990, Vol. 2, pp. 407–524. (In Russian)

Prokofiev, A.V. "Spravedlivost' i resentment (zametki na pol'akh *K genealogii morali* F. Nietzsche, *Eticheskaya mysl' / Ethical Thought*, 2013. Vol. 13, pp. 175–198. (In Russian)

Russell, J. A., Fehr, B. "Fuzzy Concepts in a Fuzzy Hierarchy: Varieties of Anger", *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994, Vol. 67, No. 2, pp. 186–205.

Scheler, M. *Resentiment v structure moraley* [Das Ressentiment im Aufbau der Moralen], trans. by A.N. Malinkin. SPb: Nauka, Universitetskaja kniga Publ. 231 pp. (In Russian)

Segel, B.W. A Lie and a Libel. The History of the Protocols of the Elders of Zion (transl. and ed. R.S. Levy). Lincoln-London: University of Nebraska Press, 1995. 148 pp.

Solomon, R. C. *Living with Nietzsche: What the Great "Immoralist" Has to Teach Us*. N.Y.: Oxford University Press, 2003. 243 pp.

Strawson, P.F. *Freedom and Resentment and Other Essays*. London and N. Y.: Rutledge, 2008. 235 pp.